

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗНАМЯ УДАРНИКА

Орган ГК и РК ВКП(б), Горсовета и Райсовета депутатов трудящихся г. Торжок
№ 53 (3704) | Воскресенье 29 апреля 1945 г. | Цена 20 коп.

Письмо с фронта
Добьем врага!

Дорогие товарищи! Примите горячий фронтовой гвардейский привет от вашего земляка. Я нахожусь вдали от своей Родины. Однако все мысли, все думы обращены к родному Отечеству. Мы фронтовики ни на минуту не забываем о своей Родине и живем одним стремлением — скорей добить фашистского гада.

За эти годы я прошел большой боевой путь. На пути лежало много трудностей. Моему дважды орденоносному подразделению выпала честь ломать многие оборонительные сооружения врага. Позади нас остался Днепр и Висла. В Германии мы искромсали всякие «неприступные» линии врага. Всё преодолели! Остался один шаг, чтобы сбросить

в пропасть подлого врага. Дорогие земляки! Я сообщаю вам, что поджигатели войны — гитлеровские разбойники — получают суровую кару и ни один из них не уйдет от справедливого возмездия. Мы мстим им за сожженные села и города, за кровь, за слезы наших детей, жен, стариков.

Победа близка, но чтобы завоевать и закрепить ее, нужно еще большее напряжение сил. Поэтому вы в тылу должны работать не покладая рук. Сейчас наступили дни сева. Приложите все усилия, чтобы полевые работы провести в сжатые сроки, на высоком агротехническом уровне.

С гвардейским приветом
Н. ИВАНОВ

Хроника Победы: 65 лет назад

30 апреля

• Советские воины водрузили над поверженным рейхстагом в Берлине Знамя Победы.

• Во время штурма Берлина гвардии сержант Николай Маслов вынес из-под огня трехлетнюю немецкую девочку. Он стал прообразом воина-освободителя в скульптурной композиции Е. Вучетича, установленной в Трептов-парке.

2 мая

• Войска 1-го Белорусского (командующий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) и 1-го Украинского (командующий Маршал Советского Союза И.С. Конев) фронтов полностью овладели столицей фашистской Германии — Берлином.

5 мая

• Был подписан акт о капитуляции группировки германских войск на территории Нидерландов.

6 мая

• 6 — 11 мая 1945г. была проведена Пражская наступательная операция войск 1, 2 и 4 Украинских фронтов — завершающая наступательная операция Великой Отечественной войны в Европе.

• Войска 1-го Украинского фронта полностью овладели польским городом Вроцлав (Бреслау).

8 мая

• В Карлсборге был подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских войск. В странах — союзниках по антигитлеровской коалиции этот день отмечается как День Победы над фашизмом.

• День освобождения в Норвегии. 8 мая 1945г. состоялась капитуляция немецко-фашистских войск в Норвегии.

• День освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

• Советские войска овладели городом Дрезден.

...и наступит мир.

РАССКАЗ

Опалённая войной (Монолог свидетельницы фашистской оккупации)

Лето 2009 года. Студентка литературного института, собирая исторический материал о Великой Отечественной войне для своей дипломной работы, приехала в деревню, где проживала старейшая жительница, свидетельница немецкой оккупации. Недалеко от деревни она повстречала женщину, Нину Васильевну, как оказалось, дочь той самой бабушки, к которой она держала путь.

Устроившись за столом в уютном палисаднике, студентка достала диктофон, тетрадь и ручку. Разглядывая буינו цветущую клумбу, она не заметила, как, опираясь на палку, подошла старушка и села напротив.

— Так что ты хочешь услышать? Про войну? Помню, ох как помню! А больше всего страх запомнился, когда жили в животе и ноги не слушаются. От чего страх-то? А ты слушай, не перебивай. Васеньку, мужа моего, как мобилизацию объявили, сразу на фронт забрала. Прибежал он ко мне в больничку, я там Нинку накануне войны родила. «Прощай!» — кричит. — Дочку береги!». Не целовались даже. Фельдшерка не пустила. Тогда с этим строго, не то, что ноне...

Вася-то у меня — второй муж. А первый, чтоб ему перевернуться на том свете, сволочь, каких свет не видывал. Семья-то у моих родителей большая была, вот и спихнули за нелюбимого. И он меня не любил — один окрики да попреки. А как пьяный напьется, так бить! Во! Смотри! До сих пор его метки ношу. Сгинул ни за что. На спор, без передыху, решил речку нашу три раза переплыть. И утонул... (Вздыхает).

Детей-то у нас не было, и я к родным ушла. (Тихо смеется). После замужества в меня как бес вселился. Ох и погуляла я тогда! Где какой праздник, я тут как тут! По женской части? Не-е-е, с этим у меня строго. Вот на работе в колхозе я впереди всех была, как ломовая лошадь, пахала...

В это время с полуденной дойки вернулась Нина Васильевна.

— Нин, угости гостью парным молочком. У нашей-то коровки молоко сладкое, жирное. Это в магазине — синюха, а наше чем больше пьешь, тем больше хочется.

Нина Васильевна попеняла матери, что она говорит лишнее. Старушке не понравилось.

— Нинка, не перебивай ты меня, иди с Богом!

Васенька-то мой подо Ржев попал, что ни на есть в эту самую «мясорубку»! А как Ржев пал, глазом не успел моргнуть, немцы в нашей деревне оказались. Кур стреляют, овец режут, пороссячий визг на всю округу. А как скот уничтожили, над народом измываться начали. То девушку изнасилничают, то бабу голую по снегу гоняют... Каждый день чего-нибудь да придумают.

У меня в избе тоже немцы стояли. А плохого не скажу, не хулиганили. У них старший — из бывших, сбжавших от революции дворян, по-русски говорил, меня расспрашивал, как до войны жили.

Хорошо жили, весело. На работу ли идем, с работы — все песни орем! Вечером на пятачке такого дробадану давали, позавидуешь... Я и с Васенькой со своим там познакомилась. «Разрешите вас на краковяк пригласить?». А я и ответить не

могу, сердце захолоново... Как там по-вашему — любовь с первого взгляда называется? В такого молодца нельзя не влюбиться. В гимнастерке, галифе, в хромовых сапогах, и голова — под Котовского.

На день урожая мы свадьбу сыграли. Гуляла вся деревня. Стол на улице стоял. Самогонки три бидона молочных выпили...

Муж у меня был, я тебе скажу, каких поискать! Руки золотые, любая баба позавидует... А как любил он меня!...

...Девять месяцев счастья — и шестьдесят восемь лет воспоминаний... Я Васеньку до сих пор люблю. Открою извещение «Пропал без вести» и молюсь, может, живой. Вон по телевизору люди понине с войны объявляются... (Вытирает набежавшую слезу).

Да не утешай ты меня, пока жива — надеюсь и жду.

Сколько лет мне? Страшно сказать — сто в этом году исполнилось...

Ноги плохо ходят, с палкой только могу. Голова? Болит иногда, но ничего, пока в здравом уме...

Не закончив свою мысль, бабушка закричала: «Нинка! Куда тебя в крапивицу понесло? Не молоденька! Скоро меня догонишь... И шут с ней, с наседкой! Когда надо, с выводком придет!»

— А самого главного-то я тебе не рассказала. Наши наступать начали, немцы совсем озверели. В соседней деревне всю семью расстреляли. Они наших солдат прятали. В другой — подростка повесили, партизана...

Помню, ночью метель была, не приведи, Господи! В трубе завывало, будто леший пел. Будит меня тот самый, который с распросами доставал. Я, грешным делом, плохое подумала. Одной рукой к себе Нинку прижимаю, а в другой нож держу. А он мне: «Не бойся, — говорит. — Я тебя спасти хочу. Сейчас карательный отряд нагрянет. Убивать вас будут. Бери девуку, одевайся теплее да беги подалее от деревни. К лесу не подайся, там наши в засаде». Что делать? Нинку свою к животу привязала, поближе к груди. Харчей собрала. Васенькин тулуп достала, поверх своего пальто накинула, одеяло прихватила, санки с сеном — и бегом к речке, в яму, где глину достают. След мой быстро замело. А яма глубокая, с нишей, в ней мы с дочкой и схоронились. Сижу, от страха зубы стучат. Метель стихла, светать начало. Вдруг до меня человеческий вой доносится. Дай, думаю, погляжу. Аккуратненько так высунулась из ямы, вижу — по дороге колонну гонят. Бабы, ребятишки, старики, все одеты кое-как. Видно, ночью, когда на улицу выгоняли, хватали, что под руку попадет. И народу-то много, с нескольких деревень. И мамка там моя, и крестная, и сестренки... Всех в амбар закрыли. Я сижу, жду. В яме от солнышка тепло. Мороза нет. После метели всегда оттепель бывает. Как ни выгляну, все по дороге людей гонят и в амбар.

К вечеру лимузин подкатил с немецким начальником. Вдруг вижу фрицы в мою сторону бегут. Все! Заметили. Смерти жду. Руки трясутся, ноги свело и нутро наизнанку выворачивает. Молюсь, хоть бы Нинка не проснулась...

Минут пятнадцать прошло, но никто не появился. Тогда я на голову снегу налепила и выглянула. Оказывается, фашисты не ко мне бежали, а к стогу сена. Схватят охапку — и амбар обкладывать. Какие заботливые, думаю, перед расстрелом амбар с людьми утеплить решили. Снег на моей голове тает, вода ручьями по лицу и

шее за шиворот течет. Я внимания не обращаю, смотрю, что дальше будет. Один немец паклю на палку наматал, в бензин окунул и поджег. Другие на сено, что к амбару таскали, и на стены бензина целую бочку вылили. А главный офицер орет, торопит. Немец с горящим факелом бежал амбар, и тот, как свечка, вспыхнул. Строение-то старое, дореволюционное.

Если бы ты слыхала, как кричали люди! Как только мое сердце выдержало: не знаю... От беспомощности губы, чтобы не кричать, в кровь исцарапала, ногтями все лицо исцарапала, а волосы мои, это я потом разглядела, после такого

«Сынки, родные, покарайте злодеев!»

зрелища будто пеплом покрылись, седыми стали...

...Немцы нашу деревню сожгли и уехали. Я из ямы вылезла, а куда идти — не знаю. Стою, как дура, смотрю на огромное кострище и плачу. К амбару не подойти, кругом огонь. Да и голосов уже не слышно. Тут люди появились, им тоже повезло — от карателей сумели схорониться...

А потом-то где жили? Да в банях, которые не сгорели, в землянках, погребках... После войны заново отстроились. Клуб был, школа, фельдшерско-акушерский пункт, детский сад, столовая. А сейчас этого нет. Одни мы с Нинкой. Все дома заколочены. Старика поумирали, дети их в городах. Я помру, внуки и мою дочку заберут. (Пауза. Тихо вздыхает).

И дома наши никто пока не поджигал, и жизнь сытная, а деревни нет. А ты обязательно напиши, деревни не будет, а память останется...

Знаешь, почему живу долго? Я думаю, те, кто в амбаре в феврале сорок второго погибли, свою жизнь по чуточке каждый мне подарил.

Как не бывает? Даже очень бывает! И не спорь. Нукошь, помоги подняться. Счастливой дороги... А, вот чего забыла, за гостиницу спасибо. Ну давай, не поминай лихом. С Богом!

Все дальше и дальше в череду прожитых лет уходит от нас Великая Отечественная война. Вскоре на земле не останется очевидцев тех событий, но память о далеких военных годах не должна уйти в небытие. И нам, потомкам, пусть будет в назидание исповедь женщины, пережившей утрату близких, но не склонившей головы перед жизненными трудностями.

Вера ЗЕЛЕНОВА.

2010 год